

МИХАИЛ БЕЛОЗЕРОВ
КОНТРОЛЬНАЯ
ДИВЕРСИЯ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Белозеров, Михаил.
Б43   Контрольная диверсия / Михаил Бело-
зеров. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. —
(Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-699-81695-8

В Киеве действует диверсионная группа специально по назначению из Новороссии. За короткий срок из восьми бойцов погибают пятеро. Таких серьезных потерь у спецназовцев еще никогда не было. Командир группы по прозвищу Пророк считает, что в ряды диверсантов проник предатель. В числе подозреваемых оказывается его школьный друг Женя Цветаев — именно он был последним, кто видел погибших товарищей. Цветаев знает, что на него легла тень недоверия. Но продолжает заниматься своим опасным боевым ремеслом, ведь никто не снимал с него обязанности диверсанта. А предатель, считает он, рано или поздно проявит себя в смертельной ситуации...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белозеров М., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015
ISBN 978-5-699-81695-8

Роман — жене в подарок

Героям Новороссии посвящается

Зачем иду я воевать?
Чтоб самому себе не врать!

Юрий Юрченко

Глава 1

БЕЖАЛА СОБАКА

Сразу после дождя выглянула луна, и блестящая дорожка легла вдоль улицы. Грязь отливала серебром, и это ему не понравилось, он вздохнул и сел терпеливо ждать. Когда-то ж она скроется, с неприязнью думал он о луне. Мысли текли привычно и неспешно. Всего-то делов — перебежать в сквер перед стадионом, а там сам черт не брат. Охотиться в полнолуние — не самая лучшая пора, но деваться некуда. Пахло давнишней гарью и почему-то кошками. Эти запахи неотрывно преследовали его с тех самых пор, как он поклялся выполнить свою миссию. «Ты у нас особенный, — смеялись многие, даже те, которых уже не было в живых; он вспомнил их лица так, как вспоминают давно ушедших родных, почти без эмоций, с болью в груди. — А нам только каштаны снятся», — беспечно дурачились они. Каштаны в этом году на Крещатике не цвели. Не до весны им было, как, впрочем, и людям. Хорошо, если к его возвращению Пророк и Жаглин приготовят борщ, а то всухомятку надоело питаться. И вздрогнул: оказывается, в тот момент, когда начал проваливаться в сон, на блестящей дорожке возникла собака.

Она была похожа на призрак, и он готов был поверить в него, если бы не шевелящиеся кончики

ушей и блестящая мочка носа. Собака понюхала воздух и двинулась к ближайшему труп, который чернел у поребрика. Грязь под ее лапами заискрилась серебром, а мокрая шерсть отливала, как кольчуга. Такие собаки были только у пиндосов. Значит, сбежала, решил он и нервно вздохнул. И вдруг она его почуяла, оскалилась, зарычала, а потом, отскочив в сторону, кинулась галопом в тень высотки.

«Фу», — выдохнул он, потому что на собаке действительно была кольчуга, защищающая горло, бока и живот. Он проводил ее взглядом и на мгновение даже позавидовал: мне бы такую свободу. К счастью, собака его спасла. Это он уже погода сообразил, что вначале выдала, а потом спасла, потому что шарахнулась и от высотки, в уцелевшие окна которой светила вездесущая луна, и от черневших остовов машин на дороге. Ого, сообразил он, да за мной охотятся! Там, в развалинах, сидел человек.

Мы так не договаривались, решил он в той насмешливой манере, когда думал о себе в третьем лице, и поднялся. Был он среднего роста, широкоплечим, ловким, быстрым, таким быстрым, что о нем говорили: «Ветер, а не человек». Лицо и руки у него были вымазаны черным, и он ничем не отличался от ночи в «балаклавке» и в своем комбинезоне «номекс». Этот комбинезон, удобный, как собственная кожа, он выписал через Интернет и очень им гордился. По неписаным законам тактики надо было сразу уйти, как всегда, собственно, он и поступал в таких случаях, но на этот раз остался. Ему стало интересно: еще никто не выслеживал

его, стало быть, это признание твоих заслуг. Он почувствовал, как трепещут его ноздри и как дрожат кончики пальцев, заставил себя расслабиться и, как хорошая борзая, обратился в слух.

Вначале он ничего не слышал, кроме шелеста листвы, когда теплый ветер налетал издали, через Днепр, Русановку и Лавру, а потом уловил, как звякнуло стекло. Именно из-за этого стекла, которое было рассыпано под ногами, он и не ушел: одно дело, когда ты «пополнил небесную сотню», как они любили говорить за кружкой чая, другое дело, когда противник во всеоружии ждет тебя или ищет. Ищет — это даже лучше — меньше хлопот, а стекло выдаст всегда, от стекла под ногами никуда не деться. Оно всегда выдаст. На этот раз оно тоже не подвело. Кто-то двигался левее, почти до «травматологии», держась обочины, а в тот момент, когда вошел в развалины, стекло звякнуло второй раз. Образно говоря, человек вообще топал, как медведь, понимая, что маскироваться не имеет смысла. «Что же им ведет?» — с любопытством подумал он и вытащил нож. У него была острая, как бритва, самоделка из отличной стали, и другого оружия он не признавал. Артистизм охотника заключался в том, чтобы выследить противника и, несмотря на все препоны, используя хитрость и сноровку, достать именно таким оружием. «Мазохист, — смеялись над ним, — возьми «американца», — имея в виду винтовку «М-16» с глушителем, — или нашу «СВД» с ночным прицелом, горя знать не будешь». «Нет, — отвечал он им с тайной гордостью, — с этим надежнее и хлопот меньше». Тем паче что

его трофеи были не хуже, чем у других, а таскать с собой «оглоблю» значило не уважать в себе следопыта. Это занятие стало его призванием, он только сейчас это понял.

Последние метров десять враг двигался по всем правилам тактики, против часовой стрелки, да так осторожно, должно быть, с пятки на носок и тщательно выбирая место, куда ставить ногу, что его почти не было слышно. Значит, не знает, с кем конкретно имеет дело, подумал он, это облегчает задачу. Однако задача, стоящая перед врагом, была куда грандиозней: обыскать в развалинах каждый из закутков, которые пахли гарью и кошками. Скорее всего, он оглядывался при каждом шаге, и каждый раз сердце у него замирало от страха, но он все равно пришел, значит, кое-что понимал в своем деле и надеялся не только на удачу.

В одном из таких закутков он и затаился, причем в самом центре, там, где колонны отбрасывали чернильную тень, и миновать его нельзя было никак, разве что если страшно повезет. Ну да не будет же противник переться по краю, это было бы совсем глупо, подумал он. Нож лежал в руке удобно, словно был ее продолжением.

Он уже ощущал его прерывистое дыхание и приготовился, но в последнее мгновение враг замер, предчувствуя свою смерть; и он так долго вслушивался в тишину ночи, что, казалось, тот ушел, испарился. И рука с ножом затекла, и стоять стало неудобно; и тут враг сделал свой последний шаг.

Если бы у него был укороченный «АКС-74», то ничего не вышло бы, но у него оказался обычный

«калаш» с длинным стволом, ибо ни один уважающий себя бандерлог не будет воевать в городе с коротким оружием. И это оказалось его ошибкой.

Он шагнул навстречу, дернул ствол вбок и увидел, как глаза у врага расширились от ужаса, а потом просто чиркнул ножом, и горячая кровь ударила ему в лицо с такой силой, что он невольно сделал глотательное движение, и кровь врага попала ему в желудок. Его мотнуло в сторону и вырвало желудочным соком, чужой кровью и всем тем, что он не успел переварить, и пока он справлялся с собой, бандерлог, хрипя, отдал концы.

Это оказался сотник — он нашел у него советскую сотенную купюру, разорванную десятку и банковскую карту. Разбираться не было времени. Забрал оружие и ушел тихо и незаметно. И пока пробирался сквозь развалины, так ему захотелось домой, так он соскучился, что ноги сами едва не понесли его на восток.

* * *

— Цветаев! — дико и радостно закричал лобастый Пророк, стоя с ложкой у плиты. — Где ты, блин, ходишь?! Мы уже слюной изошли! Водка плачет!

Он повернулся, улыбнулся криво разбитыми, как у боксера, губами, говоря тем самым: я твой друг, знаю, где и зачем ты ходишь, и кричу от радости, а не от злости, и баста, и ничего здесь не поделаешь, но все равно кричу и буду кричать, таким уж я идиотом уродился.

Сильно пахло, казалось бы, самым невероятным — пельменями, укропом и... водкой. Кажется, они ее уже истребили, потому что были возбуждены сверх меры.

— Старик, а мясо откуда? — удивился Цветаев, плюхаясь на скрипучий диван.

Это было ошибкой: тут же, будто с потолка, прыгнула усталость, веки сделались тяжелыми, голова качнулась вбок, и фантазмагория из обрывков всего, что он сегодня пережил, коснулась его правым крылом, если бы — левым, было бы еще хуже, потому что левое было сентиментальным, и он принялся бы вспоминать свою жену Наташку, ее улыбку, ее тело, а так обошлось всего лишь трезвым правым, не связанным с прошлой жизнью. Автомат, который он притащил, сам собой выпал из рук. Он вздрогнул, поднял его и ткнул в угол, где стояли «трофеи». Должно быть, это его и спасло.

— Мясо?.. — иронично переспросив, оглянулся Жаглин. — Кошку поймали, ляха бляха! — И заржал, как конь.

Он незаметно дегустировал эту самую водку, закусывая солеными огурцами, которых у них было в избытке — целый погреб на первом этаже в тридцать седьмой квартире. Даже ключ не понадобился: заходи в любую, бери что хочешь, анархия — мать порядка. Город, обращенный в пустоту, покинутый всеми, кроме львонацистов, бандерлогов и разного сброда, предоставлял широкие возможности. И мы тоже сброд, тяжело думал Цветаев, неприкаянные, не от мира сего, забытые и брошенные в пустоту, летим себе неизвестно куда и зачем. Когда это все

кончится? Во рту, как после долгого сна, появился кислый вкус.

Цветаев посмотрел на влажные губы Жаглина, на его физиономию, излучающую глуповатое добродушие, и понял, что Сашка балагурит. Хохлом был он неисправимым и радостным до отращения. В марте при большом стечении народа вызвался охранять Пророка, да так с ним и остался, и пока ему везло, получил он всего лишь одно ранение и теперь ходил с гипсом на руке. Самого Цветаева ранили три раза, последнее оказалось по касательной в грудь, не смертельное, но дюже чесалось, даже после того, как Пророк со своими прибаутками зашил его, как коновал, грубо, без наркоза, под хиханьки и хаханьки Жаглина. Шрам до сих пор чешется.

— Купили, — успокоил его Пророк, то бишь Антон Кубинский. — За два «трофея» в Святошино.

Врут, подумал он, с удовольствием вслушиваясь в их голоса, не в силах расспросить о подробностях, ясно было одно, что они, пока он сидел в засаде, тоже не били баклуши. На войне чем быстрее обживаешься на новом месте, тем больше шансов выжить. Однако причин сомневаться в их честности у него были, потому что Святошино далеко и дотопать туда, понятно, целая проблема, хотя он один раз сам ходил туда. Рисковал, можно сказать, но и сидеть на одних овощных, на котлетах из хлеба и бумаги, на бич-пакетах¹ сил не было. Именно «ходил», потому что только так можно было передви-

---

¹ Сублимированная еда.

гаться, не привлекая к себе внимания: все машины досматривались «львонацистами», а их владельцев тщательно проверяли.

— А борщ есть? — разочарованно спросил он, не доверяя своему обонянию.

Ему почему-то захотелось именно борща со сметаной, чесноком и с куском черного, кислого хлеба — так, как готовила его жена, ну и со стопкой водки, разумеется. Водку он не особенно любил, хотя мог выпить много, не пьянея, была у него такая особенность, поражающая несведущих людей.

— Голод полезен для души, но борщ тебе будет! — великодушно пообещал Кубинский. — Завтра, мяса много. — И подмигнул, что означало крайне дружеское расположение.

Хорошее у Кубинского было настроение, потому что где-то недалеко он прятал свою жену Ирочку и ходил к ней каждый раз, как на первое свидание. Это было тайной, знал об этом только один Цветаев. Даже Жаглин не знал, а он знал.

— Ладно, — сказал он, таращась через силу. — Наливайте.

— Ты себя в зеркале-то видел?! — хором спросили они, и смех долго звучал в их голосах.

Цветаев посмотрел на живот, на руки, на залитый кровью «номекс». Подвигами давно уже никто не хвастался, подвиги стали их образом жизни, тяжелой и опасной работой, подвиги существовали только для продажных журналюг и алчных политиканов. Их бы в нашу шкуру, часто думал он в момент слабости, они бы взвыли.

— Ах да... — спохватился он и пошел умываться, присел на край ванны да так и заснул.

Приснилось ему, как он пришел на работу в центр метрологии к жене Наташке, а ему сказали, что она взяла больничный и ушла домой. И он в предвкушении встречи тоже погнал домой и даже успел постучать в дверь, за которой стояла его любовь, как кто-то его дернул за рукав, и он, мотнув головой, чуть было не кинулся на противника, но вовремя признал в нем Кубинского, протягивающего рюмку водки. Это уже было наяву.

— Пей! — потребовал Кубинский.

Цветаев посмотрел на Пророка, на его изуродованное, несимметричное лицо, хотел подмигнуть и вдруг понял, что никуда отсюда не уйдет, пока этот тип не отпустит. А не отпустит он его еще долго, до полной, окончательной победы, что было не так уж плохо, главное было верить в эту победу. Он опрокинул в себя водку и даже не почувствовал вкуса, все еще пребывая между реальностью и пленительным миром грез. Любил он свою жену и испытывал по отношению к ней острое чувство вины, потому что бросил ее на произвол судьбы и подался сюда. Что с ней теперь, он не знал. Связи не было, подать весточку было невозможно. И только одно ее существование грело его душу. «Не пиши мне в Порт-Артур — нету адреса...»

Тем не менее водка сделала свое дело. Цветаев ощутил прилив сил, короткий сон взбодрил его, и он поднялся. В зеркало на него глянуло залитое кровью лицо. «Номекс» оказался безнадежно испачкан. Он ощутил на губах чужую кровь, и его сно-